

Платон Беседин

# Книга Греха



Платон Беседин  
**Книга Греха**

«Автор»

2012

## **Беседин П.**

Книга Греха / П. Беседин — «Автор», 2012

ISBN 978-5-91419-616-2

«Книга Греха» – дебютный роман молодого, но уже известного прозаика Платона Беседина, чей яркий авторский стиль с его отточенной лаконичностью и сочной образностью поистине уникален. История, которую он рассказывает, одновременно жёсткая и романтическая, остросоциальная и отчасти детективная. Герой романа, погружается на самое дно ада, чтобы поправить его внутри самого себя. Он желает участвовать в истории, поэтому состоит в тоталитарной секте и националистической партии. Он изменяет жизни людей, взрывает бомбы, громит старые порядки и, взрослея, ищет себя в мире успешных ловцов удачи. Яростный, откровенный, скандальный роман Платона Беседина – долгожданный срез эпохи. Он завораживает или возмущает, но не оставляет равнодушных. Такие книги читать обязательно – они социально симптоматичны. Не говорите потом, что ничего не знали.

ISBN 978-5-91419-616-2

© Беседин П., 2012

© Автор, 2012

## Содержание

Пролог	5
Глава первая	7
I	7
II	9
III	11
Глава вторая	13
I	13
II	15
III	17
Глава третья	19
I	19
II	21
III	23
Глава четвертая	25
I	25
II	27
III	29
Глава пятая	32
I	32
II	34
III	35
Глава шестая	38
I	38
II	41
III	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

# Платон Беседин

## Книга Греха

*Этот роман – художественное произведение, и ни один персонаж не призван намеренно изобразить реальное лицо или сочетание реальных лиц, живых или же мертвых. Все совпадения случайны.*

*Автор не обязательно разделяет религиозные, политические, национальные и прочие оценки и мнения, высказываемые персонажами книги и рассказчиком.*

*Любимой и родной*

*Мы не знаем себя, мы, познающие себя, не знаем сами себя: это имеет свою вескую причину.*

*Мы никогда не искали себя – как же могло случиться, чтобы мы нашли себя?*

**Ф.Ницше. Предисловие к «Генеалогия морали»**

*Я неисправимый идеалист; я ищущий святынь,  
я люблю их, моё сердце их жаждет,  
потому что я так создан, что не могу жить без святынь,  
но всё же я хотел бы святынь хоть капельку посвятее;  
не то стоит ли им поклоняться?*

**Ф. Достоевский «Дневник писателя»**

## Пролог

Когда вы прочтёте эти строки, всё закончится. Для меня – не для вас. Эта история длится ровно столько, сколько человек умирает от потери крови.

Меня валят со стула на холодный, липкий пол, бьют в голову, живот. Мои руки связаны проволокой, и я не могу закрыться от ударов.

– Говори, сука, говори! – орёт человек в форме.

Вы могли посещать школу и прилежно учиться, ходить на работу и аккуратно завязывать по утрам галстук. Могли делать вид, что ваша жизнь – не просто ожидание очередной беды. Но теперь вы – это парализующая боль, крошево зубов на окровавленном полу и чистосердечное признание.

Говорят, что раскаяние облегчает душу, – не верьте.

– Убивал их, Грехов, убивал?!

У нас есть имена, паспорта, идентификационные коды, водительские удостоверения – все те напоминания, помогающие нам не забыть, кто мы есть. Мы ведём дневники, встречаемся с друзьями, воспитываем детей, работаем – делаем всё то, что помогает нам почувствовать себя живыми.

Двадцать семь лет я собирал эти бесполезные доказательства реальности своего бытия. Коллекционировал их, чтобы верить в то, что жил.

Но всё то, что есть на самом деле, это истории, которые мы рассказываем друг другу. В них мы сами, в них наша жизнь. И самое сложное – завоевать право на то, чтобы у нас была хоть какая-нибудь история.

«Всему и всем – одно: одна участь праведнику и нечестивому...»

Меня поднимают с пола, ставят на ноги и тут же бьют о край металлического письменного стола. Те, кто так поступает, совсем не жестоки. Это их работа – уничтожать таких, как я. Чтобы распять, нужно верить в вину распятого.

Завтра вновь придут журналисты. Будут задавать вопросы. Мучил ли я домашних животных? Страдал ли нарушениями эрекции? Вступал ли в гомосексуальные связи? Подвергался ли насилию со стороны близких?

Такие правила игры. В убийстве всегда виновно тяжёлое детство убийцы. Мне придётся разочаровать журналистов.

У меня было нормальное детство. Нормальная сексуальная ориентация. Нормальная жизнь. И даже сейчас, когда я прикуриваю сигарету переломанными пальцами, наблюдая, как капает кровь, всё в норме.

Жалею ли я о том, чего лишился? Нет. Я ничего не потерял – только приобрёл. Завоевал право на свою собственную историю. Историю, в которой я по-настоящему жив.

## Глава первая

### I

В любой компании у каждого менеджера по продажам есть график встреч с клиентами. Он должен провести их и написать отчёт. Например, результат – успех. Или категорический отказ. Всё это нужно для выполнения плана, установленного директором по продажам.

Говорят, что люди и встречи с ними отнюдь не случайны. Каждый встреченный человек нужен для той или иной цели, как этап на пути, который уготовлен нам Богом. Словно Бог – директор по продажам самой большой в мире корпорации. Планирует генетикой и местом рождения. Организует ситуациями. Мотивирует страданиями. Контролирует грехами.

Когда мне предложили прийти на ту встречу, я ухмыльнулся. Мол, и такое бывает. Встретил знакомую, и она предложила прийти. После работы. На пару часов.

Я здесь уже в третий раз. Среди людей, которые собираются в недействующем кинотеатре. Будто клуб анонимных алкоголиков или кружок кройки и шитья. Человек четырёхста в зале. Собрание идёт, и звучит моё имя.

Я выхожу на середину зала. Человек, назвавший моё имя, жмёт мне руку и лобзает в щёку. Жидкие аплодисменты.

– Братья и сёстры, рад вам представить нового члена нашей семьи, – он делает паузу, – Даниил.

Ещё одна порция вялых аплодисментов. Пожалуй, теперь я должен сказать что-то вроде «меня зовут Даниил, я неудачник». Но вместо меня вновь говорит кто-то другой:

– Даниил, ты готов пройти посвящение и послужить на благо семьи?

– Да.

«Кто говорит, тот не знает; кто знает, тот не говорит». Вы когда-нибудь задумывались, сколько раз сказали «да» просто так?

– Всё элементарно, как в сетевом маркетинге, – в зале раздаются смешки, – ты должен привести к нам ещё одного человека, сделать его одним из нас. Понятно?

– Да.

– У тебя будет наставник, с которым ты и пойдёшь «в поле». – Он жмёт мне руку. – Возвращайся в зал.

Я усаживаюсь на деревянное сиденье рядом с чудовищно костлявым парнем в красном свитере. Он шепчет своими синюшными губами:

– Поздравляю.

– Спасибо, – благодарю я.

Миллионы людей считают себя жертвами. Жертвами политики, экологии, экономики, порчи, неважно чего – важно быть жертвой. Те, кто в кинотеатре, не просто жертвы: они считают себя избранными, и их тщеславие порождает действие. Каждый из них болен. Каждый хочет сделать больным весь мир.

Встреча заканчивается, ко мне подходит тот самый человек, что говорил на сцене. Нос с горбинкой и неизменная рыжая щетина. Его зовут Николай. Рядом с ним интеллигентный мужчина в изящных очках.

– Это Михаил Петрович, – представляет Николай, – твой, так сказать, наставник.

– Очень приятно, – протягиваю руку.

– Первый раз, да? – как перед прыжком с парашютом, вздыхает Михаил Петрович.

– Угу.

– Тебе понравится. Это как, – он подыскивает слова, – как побыть Богом. На время.

На улице ливень. Зонтика нет. Я закуриваю и, съёжившись, бросаюсь под крупные капли дождя.

– Укрыть тебя в теремке? – меня окликает стройная блондинка. В её руках зонт бакланного отлива.

– Нет, спасибо.

– Чего же так? – она идёт рядом. – А, новенький! Понимаю! Даня, да? А я Юля.

Сигарета, размокнув от дождя, ломается. Я сплёвываю и ускоряю шаг. Она, не отставая, идёт рядом, ступая своими длинными ногами, обтянутыми колготками в сеточку.

– Зайдёшь ко мне на чай? – вдруг предлагает она.

– Вот так сразу? – я останавливаюсь.

– Да, – у неё чудные васильковые глаза, – это одно из преимуществ нашей семьи. Мы все свободно, без ограничений, можем заниматься любовью друг с другом.

– Любовью? – вновь закуриваю я. – Или сексом?

– О! – Она кокетливо смеётся. – Да вы романтик, молодой человек! Если вам угодно – сексом! Мы же семья.

Она кладёт свою ладонь на мою. Сигарета вновь намокает и тухнет. Я отдёргиваю руку:

– Спасибо, инцест не интересует.



## II

Дождь превратил мир в монолитную бурлящую стену, и добавившийся к нему густой туман разукрасил её в белёсые тона с сизыми узорами. Казалось, тает невообразимых размеров сахарное изваяние, колосс прошлой жизни, и на его месте вот-вот должны вырасти новые могучие идола. С затянутого непроглядной мглой неба колючими стрелами устремляются вниз водяные стрелы, отчего вся земля походит на кипящую лаву, вздувшуюся мириадами крохотных вулканов.

Я ступаю на пешеходный переход, тщетно пытаюсь рассмотреть сигнал светофора. Наконец, решившись, бросаюсь через дорогу.

Слышится визг тормозов. Перед моими глазами двумя мутными маяками вспыхивают автомобильные фары. Из тумана вырастает стальная туша. Меня чуть не сбила машина «скорой помощи». И вызывать бы не пришлось.

Я так и стою. Посредине дороги, а из «скорой помощи» выскакивают двое. Крупный, усатый мужчина и невысокая блондинка. Оба в медицинских халатах. Что-то кричат мне.

– Вам нужна помощь? – наконец, доходит до меня.

– Нет, нет, – твержу я.

И вот мы сидим на скамейке. Я и медсестра. Усатого нет. Машины «скорой помощи» тоже. Я говорю:

– А где ваш коллега?

– Уехал.

– Как? Бросил вас в такую погоду?

– Я живу рядом, – улыбается блондинка.

– Выпьём?

Она открывает свой кожаный чемоданчик. Достает бутылку коньяка, шоколадку и два стаканчика.

– Вы джинн? – говорю я.

Она хохочет. Разливает коньяк по стаканчикам. Мы пьём. Ещё и ещё. Ливень не прекращается. Её ступни становятся бледно-синими.

– Это от босоножек, красятся, – поясняет она.

– Я собирался в бар. До встречи со «скорой помощью», – говорю я.

Промокшие, но счастливые мы вваливаемся в бар. Бармен с вечно уставшим лицом ставит два бокала пива на плексигласовую стойку. Вся она покрытыми чёрными пятнами от сигарет. Как лёгкие человека от никотиновых смол.

Я рассматриваю свою спутницу. Нину. Забавно, но она в форме медсестры. Наверное, со стороны мы смотримся, как два порноактёра, заскочившие пропустить по стаканчику в перерывах между съёмками.

Блондинка, невысокая и полная. Пухлые, словно созданные для минета, губы. Влажные, как у собаки, глаза. Раскрасневшееся лицо. Мелкие, острые, как у грызуна, зубы.

Она о чём-то беспрерывно болтает. Как говорится, девушку нужно слушать. Достаточно один раз удачно вставить что-то вроде «ну и козёл», и она твоя.

Когда мы запираемся в туалете бара, я, оставшись без трусов, вновь убеждаюсь, что молчание – самый эффективный способ соблазнения.

– Подожди, у меня нет презерватива, – говорю я.

– Если ты об этом, то я чиста, – она опускается на колени, чтобы вызвать эрекцию орально.

– А ты уверена, что я тоже?

Она смотрит на меня снизу вверх, будто сквозь мой же член, и говорит:

– Уверена. Девушки чувствуют такие вещи.

Ежедневно в России происходит более двухсот пятидесяти случаев заражения ВИЧ. В возрастной группе восемнадцать-тридцать лет каждый сороковой – инфицирован. Наверное, все они «чувствовали такие вещи».

– Ладно, – она поднимается с колен и включает воду в кране, умывает лицо, – всё равно ты не боец сегодня.

Нина приводит себя в порядок, открывает дверь. Я гордо смотрю на какого-то усатого мужика, жутко смахивающего на тюленя из «Алисы в стране чудес». Мы минуем поток его матерных проклятий и усаживаемся за барную стойку.

Нина продолжает тараторить. Я пью, смотрю на её пухлые губы и постепенно отключаюсь.

### III

Босиком я бегу по бескрайнему клубничному полю. Клубника давится у меня под ногами, отпечатываясь кровавыми блямбами на желтоватых мозолях. Посреди поля стоит моя мама, улыбается и приветливо машет мне рукой. Я отталкиваюсь от багровой земли и прыгаю в её объятия. Она прижимает меня к себе, держа на руках, словно маленького ребёнка. По её лицу текут крупные слёзы, похожие на сияющие кристаллы. Моё тело наполняется блаженной негой. Она всё сильнее сжимает меня и почему-то начинает трясти.

– Закрываемся! – бармен тормозит меня за плечо.

– Сколько я должен?

– Твоя подружка всё оплатила, – он кивком головы показывает на мою руку. На ней ярко-красной помадой выведен номер телефона.

После дождя в городе пахнет влажной уборкой. Иду пешком. Ищу, где бы купить сигареты. К счастью, на спортивной площадке возле дома кучкуются подростки.

– Сигареты не будет? – я подхожу к ним.

– Чего? – отзывается рыжий детина с тупым взглядом.

– Сигаретки не будет?

Рыжий расплывается в улыбке:

– Костыль, дай-ка ему сигаретку. Не видишь, человек курить хочет.

Один из парней тянется в карман своего кожаного пиджака и бьёт меня в живот. Удар приходится в солнечное сплетение. Вместе с тупой болью накатывает вяжущая тошнота. Я сгибаюсь и получаю ещё один сокрушительный удар в лицо. Падаю.

– Не говорили, что курить вредно? – орёт кто-то.

Я пытаюсь закрыть голову руками и сворачиваюсь в клубок, словно змея. Удары пробивают мою защиту. Из последних сил я откатываюсь в сторону и наугад бью. Слышится вой:

– Блядь, по яйцам попал!

– Хуярь его, Рыжий, хуярь!

Главными инициаторами уличных драк становятся подростки в возрасте от одиннадцати лет до двадцати одного года. Они ставят под вопрос то, что им дадут работу, кров, перспективы и социальные права. Их жестокость – попытка контролировать жизненные ситуации в этом изменчивом мире.

Поток ударов прекращается. Мою голову поднимают за волосы. Рыжий подносит горящую зажигалку к моему лицу:

– Огонька дать?

Пламя обжигает мою правую щёку. В этот миг я почему-то думаю об узниках Освенцима и Бухенвальда.

– Жарко тебе?

– Дай я его охлажу, – слышится прокуренный женский голос.

Из толпы выступает жирная девица. Её ноги похожи на гигантские окорока. Она сбрасывает джинсы, стягивает трусы и обнажает свой волосатый лобок.

«Трусость – мать жестокости», – писал Монтень. Возможно, эта жирная девушка с окороками вместо ног просто боится увидеть себя такой, как она есть?

Сексологи считают, что склонность к насилию прямо вытекает из латентной гомосексуальности, обусловленной патологиями, воображаемыми или реальными. Возможно, эта жирная девушка с окороками вместо ног просто не определилась в своём половом партнёре?

Впрочем, всё это не оправдывает её и той жёлтой тёплой струи, которая пролилась на меня под улюлюканье остальных подростков.

Психология уличной драки гласит: «Никогда не останавливай нападающих просьбами». Я вырываюсь из хватки и изо всей силы бью жирную девицу головой в её огромный живот. Она, нелепо растопырив руки, падает назад.

– Пизди его!

Я каждый раз тот, кем перестаю быть миг назад. Похоже на попытку, как уроборос, ухватить себя за хвост, который миг назад я сам себе отрубил. Как только приходит осознание того, за кого я себя принимаю, я перестаю им быть, а, значит, осознание бессмысленно.

Так рождается всепоглощающая апатия. Пустоту внутри себя я пытаюсь наполнить алкоголем. Или сексом. Или странными обществами. Все эти наполнители формируют самого меня, того, за кого я себя принимаю.

Истина номер раз: наслаждение – то, ради чего все мы существуем.

Истина номер два: наслаждение есть форма удовлетворения собственных страстей.

Истина номер три: страсти есть то, что наполняет нас.

Боль, причиняемая мне ударами, – лучший наполнитель. Сейчас покрытый кашицей собственной крови и чужой мочи я ощущаю себя как никогда живым. Истерический крик вырывается из моего горла:

– Бейте меня! Оплёвывайте! Терзайте, как терзали Христа! Ибо вы пусты!

– Заткнись, сука!

Они избивают меня, но мой крик не прекращается. Когда он, кажется, рушит стены соседних домов, будто Иерихонская труба, они останавливаются.

– Псих!

– На хер его! Укусит и заразит бешенством!

Они разворачиваются и быстро уходят. Напоследок кто-то кидает мне сигарету. Вместе с табачным дымом я выталкиваю наружу хрипящие судороги смеха.

## Глава вторая

### I

Запивая очередную таблетку «Кетанова» водкой с томатным соком, я слышу брань соседа с первого этажа. Всему подъезду каждый день она служит чем-то вроде будильника. Сползаю с постели. Включаю телевизор.

По протестантскому каналу блондинка, похожая на потасканную Клаудию Шиффер, предлагает мне купить диск с записями чудес господних live. Она уверяет, что на этих кадрах Иисус убедительно доказывает свою божественную сущность.

Моя голова похожа на выкrest баклажана и земляной груши. Глаза – узкая смотровая полоска в распухшем забрале.

Рассматриваю каждый синяк, каждую ссадину. Удивительно, но я помню, от какого именно удара они появились. Тело порою помнит лучше разума.

Хуже ссадин – мысли. Мысли о разрастающейся гематоме мозга. О повреждениях черепа. О внутри-мозговом кровоизлиянии.

Я должен обратиться к врачу.

У входа в приёмное отделение местной больницы три бомжа с разбитыми лицами. Внутри – две полупьяных медсестры. Говорю им: «Мне срочно нужен доктор». Они лениво интересуются, мол, зачем же.

– Мне кажется, что у меня сотрясение мозга. Или гематома. Или куски черепа в мозге. Или аневризм.

Они ржут, как лошади, и говорят:

– Ждите, а не дождётесь – отправим в морг.

Я усаживаюсь на полуразваленный стул рядом с такой же полуразваленной старухой, которая беспрерывно кашляет.

– Женщина, – обращается медсестра к моей соседке, – женщина с туберкулёзом лёгких и почек, пройдите внутрь.

В медицинских учреждениях у людей вместо имён диагнозы. Женщина встаёт со стула, оставляя кровавую мокроту на полу.

Я жду. Как говорил Гаутама Сиддхартха, «всё, что я умею – размышлять, ждать и поститься». Жду и слушаю веселые истории из медицинской практики. Больше них раздражает только лошадиный гогот медсестёр. Наконец, меня принимает нейрохирург, похожий на Пита Догерти в его худшие годы.

– На что жалуемся? – у доктора идиотская привычка мусолить и грызть кончик шариковой ручки.

– На это, – я провожу рукой по лицу. – Мне кажется, у меня гематома или черепные осколки в мозге. Не знаю что, но что-то ужасное.

Он сплёвывает куски шариковой ручки и вновь принимается грызть её:

– Когда кажется – крестятся. Идите на рентген.

Прохожу по коридору с шелушащимися, словно перхоть, стенами. У кабинета с табличкой «Рентген» то ли от холода, то ли от страха колотится старуха. Подойдя ближе, я замечаю, её разбитую губу, руку, упакованную в бинтовую повязку. Она бормочет что-то вроде: «Сраная лошадь... гадина... девка поганая... и не найти мерзость такую».

– Лошадь сбила, – заметив моё удивление, кивает на старуху проходящая мимо медсестра. – Теперь вот нервничает, что не найдёт её.

– Кто нервничает?

– Ну не лошадь же! Идёмте на рентген, молодой человек!

После гимнастических упражнений на столе и порции излучения, вызывающей рак в одном из шести случаев, я попадаю обратно к нейрохирургу с набором чудных снимков своего черепа.

– Хм, повезло, повезло вам, – бормочет он с некоторой грустью в голосе, – ни гематом, ни опухолей, повезло. Разве что ушибы и повреждения соединительных тканей, – он принимается грызть новую шариковую ручку. – Вот вам рецептик. И скажите-ка фамилию, адрес...

Нейрохирург прилежно записывает мои данные.

– Распишитесь, – протягивает он мне свою ручку.

Я чёркаю пару загогулин, боясь испачкаться его слюной.

Медсёстры рассказывают те же забавные истории бледному, пухлому парню с рыболовным крючком в нижней губе и высокой девушке со свёрнутым в сторону носом.

Я покупаю прописанные таблетки. Хотя все знают, что любая таблетка – это просто плацебо. Всё дело в мировом заговоре врачей, лечащих нас от несуществующих болезней.

Когда я закуриваю, меня окликает черноволосая девушка в красной юбке:

– Найдётся закурить?

В моей голове всплывает где-то слышанная фраза pick-up.

– Курение ведёт к раку, – я чиркаю зажигалкой, глядя, как она складывает бантиком тонкие ярко-красные губы, затягивая дым, – а раки лучше всего идут с пивом. Может, выпьем чего-нибудь?

Она смотрит на меня, как на описавшегося котёнка.

– Ладно, – развожу руки. – Никакого пива.

– Предпочитаю коньяк, – улыбается она и протягивает мне руку. – Инна. А вы?

– Даниил.

Мы обмениваемся телефонами. Номер телефона – номер души. Она пробуждается только во время звонка, жаль, что никогда не знаешь, когда позвонят сверху.

## II

Скажи мне, кто твой друг, и я скажу, кто ты. Впрочем, есть и другая пословица: «Не суди о человеке по его друзьям – у Иуды они были идеальными».

В захлавленной комнате шесть человек. Курят травку. Я предпочитаю пить, поэтому снова и снова опрокидываю в себя водку с пивом. Смесь оказывает анестезирующее воздействие: боль от ушибов и ссадин уходит. Вообще алкоголики редко болеют. Обычно у них разом отказывают все внутренние органы.

Люди в комнате выбирают иной lifestyle.

Две девушки, украшенные бесчисленным числом татуировок и серег, с маниакальным упорством режут себе вены бритвой. Они уверили меня, что это истинное мастерство. Нужно делать так, чтобы каждой клеточкой тела чувствовать, как холод стали входит в жар крови. Только так, говорят они, можно получить рафинированную боль, ощутить натуральные эмоции, чистые, как слеза младенца. Лица девушек умиротворены, будто у Будды.

Девушек здесь всегда большинство. В отличие от парней они предпочитают мастурбацию духовную.

Я пробираюсь на кухню. Здесь ошиваются самые задушевные люди. Трое субтильных парней режут себе языки, сливаясь в кровавых поцелуях. Мужеподобная девица, похожая на Эрика Рыжего со скандинавских гравюр, наносит очередной нимфетке искусственное шрамирование. Сегодня оно особенно модно на готических вечеринках.

Забавные люди. Они заживо пакуют себя в гробы. Вера в бессмысленность жизни помогает обрести им веру в смысл смерти как единственной реальной субстанции. Жизнь для них – свербящая боль. Мир вокруг – корпоративная свалка.

Правда, никто из них не скажет вам, почему им так больно. Они превозносят боль, возводя её в ранг вселенской добродетели, но судорожно вжимаются в кресло при виде сверла в кабинете у стоматолога. Ведь к боли нельзя привыкнуть. Пожалуй, только к ней и нельзя. Боль – лучший способ утверждения власти над другими.

Когда я пришёл сюда впервые, то встрял в спор с Дашей, шестнадцатилетней девушкой с взглядом волнистого попугая.

– У меня был парень. Мы любили друг друга и клялись быть всегда вместе. Однажды он бросил меня. Я напилась таблеток, но, к несчастью, осталась жива. Тогда я поняла, жизнь – это нескончаемая, бессмысленная боль. Так зачем радоваться тому, что приносит боль? Не проще ли поклониться смерти как спасению?

– Дешёвая фикция.

– Ты конформист, Грех, – бубнила она, – освободи свой разум. Пойми, что жизнь ничего не стоит.

Я видел женщину с кистой почек, похожих на гнойные грозди винограда.

Видел человека с вырезанной двенадцатиперстной кишкой, который был не в силах контролировать собственную дефекацию.

Человека в последней стадии рака кожи с лицом похожим на забродившую компостерную яму и надписью на двери своего дома «прокажённый, убирайся».

Таким людям проще применить эвтаназию. Но они жили, смеялись, боролись. Эти Иовы современного мира. Наверное, жизнь для них имела свою цену.

Может, стоило рассказать о них Даше? Но я промолчал. Впрочем, она хотела услышать то, что ей сказали среди всех этих режущих вены.

Высшее выражение преданности для животных – римминг. Он, в частности, обязателен перед половым актом. Римминг – это вылизывание ануса партнёру. Самый верный путь обрести что-то типа паразитов прямой кишки или гепатита. Психотерапевт Эрик Бёрн ввёл

такое понятие, как транзакция – социальное поглаживание, лизание. Наше общение – тот же римминг. Только словесный.

Даша взирает на меня глазами волнистого попугая. И, как заведённая шарманка, диктует свои манифесты. Я занимаюсь тем же. Мы как два орущих друг на друга человека за звуконепроницаемым стеклом, которым забыли подключить связь.

Впрочем, достаточно задать только один вопрос: спит ли она? Как писал Селин: «Не верьте на слово людям, рассказывающим, как они несчастны. Спросите у них только, могут ли они спать. Да – значит, все в порядке».

Хотя – лучше всего – задать этот вопрос самому себе. И, может быть, тогда отпадёт надобность в моих наполнителях. Только что-то мешает.

Вдруг понимаешь, все твои стоны, причитания – кривляния плохого клоуна на арене жизни перед Господом. Ты падаешь в грязь, сам нахлобучиваешь терновый венок, громозишь на спину тяжеленный крест и кричишь во весь голос: «Вот он я, мессия! Вот он я, страдающий за вас!».

«Изображая Христа» – чем не название для половины наших биографий?

Но это мысли вслух сейчас. Тогда я на полчаса скрасил болезненное одиночество Даши своим потным телом. *Omne animal triste post coitum*, и в посторгазмической печали мне подумалось: чем отличаются лучшие из нас?

Ответ мне пришёл лишь сейчас при виде готов, полощущих сталь лезвий в крови: лучшие режут вены вдоль, а не поперёк.



### III

Почти все мы догадываемся, что наши действия бесполезны. Но выполняем их так, словно не знаем об этом. Это то, что Кастанеда называл контролируемой глупостью. Главное, чтобы глупость не превратилась в неконтролируемую.

Мы встречаемся с моим наставником, Михаилом Петровичем, в парке. На нём бледно-голубая рубашка и те же изящные очки. Он улыбается и, кажется, абсолютно расслаблен. В отличие от меня.

– Что с лицом? – любопытствует Михаил Петрович.

– Драка.

– Драка – это хорошо. Много крови.

Мы прогуливаемся по парку, швыряя рыжие окурки в бледную траву, усеянную битым стеклом и пластиком. Проговариваем план на вечер. Точнее, излагает Михаил Петрович, а я лишь слушаю, запоминая каждую деталь. Главное, говорит мой наставник, сохранять спокойствие.

В кармане моего лёгкого пиджака ампулы с кровью. Точно такие же в сумочке Михаил Петровича. Мы ждём. Ждём, когда появятся достойные кандидаты. Те, кто, как говорит мой наставник, готовы принять божий дар. Нас он называет не иначе как божьим народом.

Когда впереди появляется девушка с детской коляской, по улыбке наставника я догадываюсь, что выбор сделан.

– Подойдёшь, завяжешь разговор, – инструктирует Михаил Петрович, – а я всё сделаю.

– А как я завяжу разговор с такой физиономией?

– Старым добрым способом, – улыбается Михаил Петрович, – спросишь что-нибудь, а потом не отстанешь.

Когда я сближаюсь с девушкой, то не нахожу ничего лучшего, как полюбопытствовать, где здесь туалет. Она с улыбкой объясняет мне дорогу. Спасибо, говорю я, и чувствую, как Михаил Петрович тыкает меня в бок. Вопросы не окончены. Я переспрашиваю, словно не понимая дороги. Девушка вновь принимается объяснять мне. Она отходит от коляски. Я продолжаю играть роль придурка, который вот-вот наложит в штаны.

– Вы не могли бы показать мне дорогу точнее, – бубню я, – никак не могу понять, как вон от того пригорка идти.

– Смотрите, там будут качели. Их видно отсюда, если чуть подойти, – она начинает двигаться, чтобы показать дорогу, и тут же в волнении оборачивается к коляске.

– Ничего, ничего, я посторожу, – улыбается Михаил Петрович.

Девушка успокаивается. Михаил Петрович умеет войти в доверие. Помогает его изумительная интеллигентность. Он работает преподавателем философии в одном из городских вузов.

Девушка услужливо объясняет мне дорогу к туалету. Я киваю и, войдя в роль, начинаю характерно переминаться на месте. Сзади раздаётся рёв ребёнка. Девушка тут же кидается к коляске.

– Простите.

– Ничего, ничего, – девушка пытается успокоить ребёнка, – вы-то причем?

– Простите, – вновь извиняется Михаил Петрович, – мы не будем мешать. Извините ещё раз!

Быстрыми шагами мы удаляемся от девушки с коляской, делая вид, что уже не вправе мешать ей своими расспросами. Как только она отворачивается, ныряем в частвокол деревьев. Закуриваем.

– Господи, какую глупость, какую чёртову глупость я сделал! – беспрерывно повторяю я про себя.

– Чего приуныл? – Михаил Петрович по-отечески шлёпает меня по плечу. – Привыкнешь!

Это пугает меня ещё сильнее. Кажется, моя глупость стала неконтролируемой.

Когда мы выходим на аллею парка, я немного расслабляюсь. Михаил Петрович говорит:

– Теперь самое важное. Посвящение!

– Какое посвящение?

– Собственно, то, ради чего мы здесь, – он удивлён, – ты должен сам подарить людям свободу.

Его слова – удары молота по наковальне моего сознания.

– Разве я не сделал это только что? Там...

– Разве не я привил младенца? – Михаил Петрович хмурится. – Ты просто отвлекал мамашу. Теперь ты должен сам нанести укол.

Открыто, при свете дня, пустить в человека вирус. Возможно, изменить его жизнь в одно мгновение. Способен ли я? И разве это тот самый наполнитель для моей души, что сделает меня осязаемым для самого себя?

Впрочем, в такие моменты, когда стоишь на пути большого выбора, мозг перестаёт думать логично. Есть лишь цель. Есть первые импульсы. И направляющие факторы рядом. Михаил Петрович вновь толкает меня, указывая на бредущую между деревьями высокую блондинку.

Я сжимаю кулак, чтобы ощутить собственную силу. Слишком поздно отказываться. Только вперёд.

Ницше утверждал, что прежде, чем стать равным Богу, он научился не жалеть себя. В древних религиях считалось – человек может стать Богом, впитывая страх других людей путём принесения их в жертву. Не знаю, что есть истина, и есть ли она в принципе. Знаю лишь – мы созданы по образу и подобию Божьему. Это значит, что мы способны давать и отнимать жизнь.

На всё воля Божья. Человек предполагает – Господь располагает. Известные утверждения. Есть ли Его воля в том, что сейчас эта блондинка, попавшая в парк вместе с нами, станет живым трупом? Совсем скоро. Или это воля сумасшедших, разносящих вирус? Чья это воля?

Атеисты скажут, что мы сами выбираем путь. Верующие возразят, что блондинка оказалась в парке совсем не случайно. Имеет ли это значение для блондинки?

Я думаю об этом, когда приближаюсь к ней. Михаил Петрович остаётся позади. Мы договорились встретиться в условленном месте. Но я знаю, он наблюдает за мной.

Мне нужно сделать ей укол. Нужно пройти посвящение. Не сделав этого, я сам стану жертвой. Всё как в жизни: либо ты, либо тебя. Так говорят. Только это ли жизнь?

Я приближаюсь всё ближе. Футболка на моей спине насквозь пропиталась потом. Мне кажется, что в этот момент меня бы не признали даже самые близкие. Настолько сильно изменилось моё обличье.

На блондинке золотистое платье, подчёркивающее её стройную фигуру. Она стоит ко мне спиной, не двигаясь, под гигантским клёном.

По виду стопроцентная шлюха. Жалкая, порочная шлюха. Я говорю это себе, дабы успокоиться. Убеждаю себя в её грехе, чтобы оправдать свой.

Один взгляд назад. Словно зависание над пропастью. Мне кажется, как между деревьями мелькает ухмыляющаяся физиономия Михаил Петровича.

Прости, Господи, ибо ведаю, что творю! Последний взгляд на блондинку. Она заворачивает за угол трансформаторной будки. Я иду следом.

## Глава третья

### I

Всё было бы куда проще, если бы моё окружение жило по одним законам. Но мои наполнители, идеи и люди, хоть и являются звеньями одной цепи, форму имеют разную.

Прохладное, приятное утро. Из динамиков, установленных на столбах и деревьях, звучит ритмичная музыка. Народ шумной рекой тянется по залитым солнцем аллеям к сцене, установленной в центре парка. Здесь и праздные гуляки, и идейные личности, и просто любопытствующие.

Почти все, стоящие у сцены, держат зелёные флажки. Нетерпеливо гудят и требуют веселья. На сцене, разукрашенной аляповатыми декорациями, стройный, черноволосый ведущий изливается елеем в микрофон. Серые волнорезы кордонов полиции разрезают океан людей.

Нас четверо. Одетые во всё чёрное мы протискиваемся сквозь толпу, ближе к арене действий. На левой руке каждого из нас алая повязка. За спинами ранцы.

Рядом две старухи держат в руках плакат. На нём размашистыми буквами выведено «Воров – в тюрьму!». Когда грохает оркестр, из дальнего угла выдвигается процессия. Во главе охрана, следом тот, ради кого толпятся все эти люди. Известный политик и меценат.

Толпа скандирует его имя. Ей хорошо заплатили за это.

Мы переглядываемся друг с другом. Политик и его охрана приближаются всё ближе. Нет ни защитных решёток, ни оградительных щитов. Только лениво зевающие полицейские. Наш лидер даёт отмашку. Мы достаём оружие.

Вы никогда не думали о том, как легко убить человека? Просто подойти и воткнуть ему нож в спину. Или слегка подтолкнуть в метро при прибытии электрички. Думаете, кто-то бросится на спасение несчастного?

Вы много видели на улицах полиции? Или вы верите, что она способна защитить вас? Когда кто-то вдруг выхватит пистолет и откроет стрельбу. Например, тот же полицейский.

Убить так легко. Слишком легко.

Последнее усилие. Снаряды устремляются в политика. Чёрные костюмы охраны усеиваются разбитыми яйцами и лопнувшими пакетиками с майонезом. Одно из брошенных нами яиц попадает в плешивую голову политика. Толпа с визгом бросается врассыпную. Охрана выхватывает пистолеты, но кто-то даёт команду, и менты заламывают нам руки, выводя из толпы.

Если ты попал в приёмное отделение полиции, помни три правила.

Молчи.

Тебя будут бить.

Всё равно молчи.

Ничего сложного. Всего лишь три правила, и всё закончится хорошо. При условии, что у тебя есть тот, кто может прикрыть твой зад. У нас такие люди есть. Они сделают нужный звонок, и нас выпустят, предварительно хорошенько поколотив. Это правила игры. Каждый изображает имитацию бурной деятельности. Как говорят в офисах, ИБД. Мы закидываем политиков яйцами. Полиция учит нас. Политик прощает. Босс вытаскивает из отделения. PR для одних и куски выбитых зубов для других. Каждому своё, как писали в Бухенвальде.

Самый молодой из нас слишком неопытен. Он разряжается истошным криком, когда неловким движением мент выбивает ему зуб. Опыт – великая вещь; она помогает сохранять спокойствие в самых ужасных ситуациях, потому что ты знаешь, что может быть ещё хуже.

Только один человек среди нас может говорить. Декламировать политические лозунги, манифесты и призывы. Всё это отразят в СМИ. Вместе со звериной жестокостью полиции. Акция проплачена, и каждый знает правила игры.

Вы увидите это по телевизору. Журналист расскажет о фашиствующих подростках, которые стали настоящей проблемой в последнее время. Журналисты любят клише. Они избавляют от необходимости думать. Никто никогда не скажет: «Умные мудаки используют тупых мудаков, чтобы урвать кусок пирога у следующих мудаков».

Впрочем, лидер нашей четвёрки либо слишком хороший актёр, либо действительно верует в идею возрождения русской нации. Он пламенно повествует о социальной несправедливости, геноциде русского народа, о засилии кавказцев, воинствующих семитах, жидомасонах и прочей жвачке. Мы играемся в революции, чтобы развлечься. Это наша альтернатива клубам и наркотикам.

Наш лидер где-то далеко. Наверное, даёт интервью очередной газетёнке или местному телеканалу. Повествует, как четырех невинных патриотов смяли бульдозером тоталитаризма. Но всё закончится полюбовно. Если не считать пары выбитых зубов и дюжины гематом.

Когда мы выходим из полиции, нас встречает лидер собственной персоной. Товарищ Яблоков! За ним выстроилась вереница журналистов, бьющих в глаза вспышками камер и оцетинившихся копьями микрофонов.

Моя недавно битая в подворотне физиономия тут как нельзя кстати. Вот так мордуют граждан в полиции! Я закрываю лицо руками. В мои планы не входит стать символом борьбы и жертвой тоталитарной политики правящей верхушки. Жертвой приятно быть для самого себя, но не для кого-то.

Впрочем, таким меня не узнают даже близкие. Я закуриваю и, парализуя смазливую журналистку своей физиономией, принимаюсь смачно рассказывать о русской идее и пытках полиции. Чем больше я вру, тем более увлекаюсь. Постепенно пустота внутри меня наполняется ложью, и на миг мне кажется, что я действительно существую.

## II

Я почти забыл, как выглядят мои друзья. Наши встречи – это питье пива. Без него мы не можем нормально общаться. Пиво как скрепляющий элемент. Как фактор хорошего настроения.

По статистике, каждый пятый мужчина в России – пивной алкоголик.

Со мной четыре человека. Моего возраста. Все мы учились в одной школе. Раньше общались почти каждый день. Теперь раз в месяц. Под пиво.

Мы берём по два литра. Чтобы рассеять неловкость. Наладить контакт. Раньше когда ты просил в магазине бутылку пива, тебе давали твои пол-литра. Теперь спрашивают, вам двухлитровую бутылку или маленькую, на литр. В будущем нашим детям будут продавать пиво в канистрах.

Садимся на скамейке, обложившись бутылками и рыбой. Разговоры ни о чём. О работе. О роликах из Интернета. О проходящих мимо людях. Не виделись месяц, и нечего сказать друг другу.

Я задаю себе вопрос, что значит быть кому-то другом. Для ответа мы должны взять ещё пива. Врачи утверждают – пивной алкоголизм не лечится. Наверное, мы обречены.

Большинство моих знакомых считает своим настоящим другом того, кто всегда может выручить материально. Для них лучший друг – это, прежде всего, выгодный кредитор.

«В дружбе один раб другого». Из Лермонтова. Когда я учился в школе, то писал лучшему другу письма. Манифесты того, каким он должен быть. Хотел, чтобы он стал для меня идеалом. Я подавил его волю, превратившись в эксплуататора.

Когда мы стали старше, он сказал мне: «Даня, больше ты не мой лучший друг. Ты сделал меня своим рабом. Не виню тебя. Виню себя – за свою слабохарактерность». Дружба длится ровно до тех пор, пока раб не свергает хозяина.

Теперь все мы знакомые, пивные собутыльники, собеседники – кто угодно, но не друзья.

На обратном пути Денис рассказывает о своём медобследовании. Ему сказали, что у него увеличенное сердце. Он считает, что это от занятий спортом.

Впервые о синдроме бычьего или пивного сердца сказал профессор Болингер. Расширение полостей сердца, утолщение его стенок, некрозы в сердечной мышце связаны с наличием в пиве кобальта, применяемого в качестве стабилизатора пивной пены.

Не знаю, сколько мы выпиваем за вечер. Литров шесть. Может, семь. Мы фильтры: пропускаем пиво через себя, оставляя в печени вредные элементы, а побочный продукт выходит через уретру.

Из-за мочегонного эффекта пива из организма вымываются белки, жиры и микроэлементы. Попутно усиливается выделение почками натрия и хлора, приводящее к деминерализации организма.

Наше пивное пьянство похоже на бесконечный марафон. Мы останавливаемся лишь тогда, когда падаем на землю. Или засыпаем с обоссанными штанами. Или попадаем в «обезьянник».

Мы сидим в пропахшем рыбной вонью баре. Рядом, за соседним столиком, три страшненькие девушки. У всех нас нет постоянных партнёров. Есть лишь редкие случайные связи.

При виде девушки мы ищем оправдание. Чтобы не подходить. Чтобы не шевелить себя. Либо она слишком блядь. Либо слишком пафосная. Либо слишком печальная. Таких «либо» может быть тысячи.

Я не помню, когда трахался абсолютно трезвый. Без грамма алкоголя в организме. Мои друзья разделяют мою позицию. У всех нас влечение оживает после пяти-шести литров пива.

Влечение оживает, но эрекции нет. Из-за токсического воздействия на надпочечники пиво ингибирует в них выработку андрогенов, обуславливающих половое влечение.

Наконец, Паша решает познакомиться с девушками. Теперь они кажутся ему симпатичными. Он, шатаясь, подходит к их столику и с пивной отрыжкой отвешивает комплимент. Девушки морщат носики, усеянные мириадами чёрных угрей, и пытаются вытолкнуть его вон. Паша не сдаётся – пытается обнять одну из них. Девушки начинают верещать.

В состав пива входят соли тяжёлых металлов, вызывающие изменения в эндокринной системе. При злоупотреблении пива наблюдается жировое перерождение семенных канальцев и разрастание соединительной ткани в паренхиме яичек. У пивных алкоголиков печень не в состоянии расщеплять эстроген, что приводит к атрофии половых желез.

Я подхожу к столику со словами «Паха, забей на них». Саня вторит мне: «На хера они нам! Лучше пива возьмём! У меня и свои сиськи есть!»

В пиве содержатся растительные аналоги женских гормонов – фитоэстрогены. В результате, у мужчин разрастается грудь, расширяется таз. У некоторых из груди начинает сочиться молозиво.

К нам присоединяются сто килограмм нашей знакомой. Она любит пиво. Об этом свидетельствуют её «пивные» усы. Для неё самое страшное унижение – выпить меньше, чем мы. Она хочет завести детей. Чем раньше, тем лучше. Вопрос лишь в качественном сперматозоиде, говорит она.

Мне кажется, что наше общение – всего лишь предлог для нового бокала. До упора.

Когда наступает упор, я ощущаю заполнение себя. Пивом. Блевотиной. Мочой.

Есть много забавных вещей, которые могут стать следствием потребления пива. Например, подагра. Или цирроз печени. Или рак кишечника.

Так гласит медицинская энциклопедия.

И я вспоминаю, как когда-то, именно в этом баре, мы пили точно так же. Только нас было пятеро. Утром у одного из нашей компании отказала печень.

Мы помянули его пивом. Хорошо так помянули. Литров шесть-семь.

### III

Передо мной, словно идол, возвышается бокал с пивом. Не могу сделать ни глотка. Каждая клетка моего организма промокла от пива. Но опьянение не приходит. Есть только мерзкое ощущение непреодолимой тяжести. В такие моменты пить бесполезно – всё равно не опьянеешь так, как тебе надо.

– Мы закрываемся, – ко мне подходит бармен, девушка в майке «Deep Purple».

Уходить не хочется. Я делаю ей комплимент, чтобы остаться. Она лишь морщится. Теперь точно всё. Набрав в грудь воздуха, я одним залпом допиваю выдохшееся пиво. Оно идёт через нос.

Улица пустынна. Моросит колкий дождь. Гестаповское небо надо мной. В кармане пиликает мобильный.

– Спишь? – томный голос в трубке.

– Нет.

– Ты либо счастливый, либо несчастный человек, если не спишь в такое время.

– Как и ты.

– Может быть, встретимся?

Свидание глубокой ночью. Оно не бывает ради проформы. Я покупаю бутылку трёхзвёздочного коньяка и плитку чёрного шоколада.

– Так всё же, кто ты? Раз едешь в такое время к девушке, которая даже не представилась? – передо мной знакомая из больницы. Инна, кажется.

– У меня не так много знакомых девушек, – говорю я, откупоривая бутылку.

Мы пьём коньяк из горла прямо на улице, под усиливающимся дождём. Тяжесть в голове, и слова перестают складываться в предложения. Шоколад прилипает к зубам.

Она говорит. Считается, что умение слушать – редкий дар. На самом деле, ничего сложного. Надо просто напиться.

Мы допиваем коньяк. Молчим. Я курю третью или четвертую сигарету подряд. Глубокая ночь, похожая на декорацию из дешёвого фильма ужасов. И вдруг она говорит:

– Пошли!

Мне всё равно, куда идти. Лишь бы не быть одному. Она проводит меня в огромное здание. Исчезает и возвращается с трёхлитровой банкой, наполненной жидкостью. Из письменного стола она извлекает бутылку газированной воды и два граненых стакана.

– Разливай! – командует она.

– Это что? – спрашиваю я.

– Это? – она кивком головы указывает на банку.

– Медицинский спирт.

– Мы в больнице?

– Почти, – она улыбается.

На удивление спирт, перемешанный со сладкой газированной водой, идёт весьма хорошо. Такой коктейль мы пили на выпускных вечерах, когда не решались подойти к девушкам. Я бормочу смутный тост за единение душ. Мы пьём на брудершафт. Липкий, пьяный поцелуй, как будто хмурым утром ты выходишь из душа и суёшь ноги в холодные, мокрые тапочки.

Не помню, как появилась свечка. Не помню, о чём мы говорили. Впрочем, это не имеет значения.

Я выхожу из комы, когда она раздевает меня. Холодная дрожь проходит по телу. Вокруг бесконечные стеллажи шкафов. У неё в руке скальпель. Настоящий хирургический скальпель.

В голове проносятся мысли о сатанистках. Об агрессивных лесбиянках. О пуританских девственницах-самоубийцах. Пронесются все телевизионные образы.

– Я расскажу тебе один секрет, – она шепчет мне, облизывая моё ухо, – только никому не говори. Обещаешь?

– Да.

– Знаешь, что мне нравится больше всего?

Она резким движением выдвигает одну из полок. На ней труп. Она смотрит мне прямо в глаза. Возможно, ей, как демону, нравится питаться моим страхом.

Её изящные пальцы нежно гладят ступни трупа. Пробираются выше, массируя каждый участок мёртвого тела. Я замер. Она облизывает свои губы, а её левая рука где-то между её ног. Лицо покраснелось, это видно даже при свете свечи. Когда она доходит до мошонки трупа, то начинает стонать. Стон переходит в рычание. Глаза прикрыты. Когда её рык становится особенно неистовым, она оттягивает член трупа и резко взмахивает скальпелем. Сморщенная, мёртвая плоть остаётся в её руке. Она обмякает и открывает глаза.

Говорят, что внешний мир есть отражение нашего внутреннего мира. Если я вижу такое, то неужели я настолько психопатичен?

Она целует трофей и, смотря на меня в упор, шепчет:

– Вот это мне нравится больше всего.

Мне вновь хочется выпить спирта, перемешанного с газировкой.



## Глава четвертая

### I

Из носа Андрея течёт кровь. Большими, красивыми каплями, похожими на куски рубина. После ночи, проведённой в морге с Инной и трупами, кровь напоминает о том, что рядом есть жизнь.

По моим расчётам, Андрей должен был умереть неделю назад. Такую ставку я сделал. Мы организовали тотализатор. Тот, кто угадает день смерти Андрея, получает выигрыш. Но пока счастливчика нет.

Причиной носовых кровотечений могут стать заболевания крови. Или застойная гиперемия при болезнях легких, сердца, печени и почек. Наверное, Андрей этого не знает. Если бы знал, то непременно умер.

– Водяру будешь? – ко мне подходит Вовчик.

– Нет, – восемь часов утра.

– Бывает, – он смотрит на меня как на психа.

Подставляют стаканы. В ноздри ударяет мерзкий запах спирта. После выпитого вчера мне становится тошно.

– За работу, падлы! – орёт подошедший бригадир.

Когда кузов машины набивается до отказа, я усаживаюсь в салон рядом с водителем. Хрюкает выхлопная труба, и мы трогаемся.

– Такую тёлку вчера снял, – ржёт водитель, обнажая кривые, гнилые зубы, – домой привёл, а резины не оказалось. Прикинь?

– Бывает.

Эту историю я слышал много раз. Все наши разговоры о женщинах и попойках. Один раз я пробовал общаться о Достоевском. После этого ко мне приклеилась кличка «Достоевский», вместо прежней, отфамильной, «Грех».

Каждый день мы ездим одними и теми же дорогами. По одним и тем же местам. Развозим алкоголь. Встаёшь в шесть. Начинаешь в семь. Прибавьте ещё девять часов абсолютной рутины. Так живёт большинство из нас. Или существует, как вам угодно.

Первая точка нашего маршрута – бар в спальном районе. Половина девятого утра. У входа, словно прихожане перед церковью, опутив головы, толпится кучка полупьяных людей. У бордюра, залитого кровью и блевотиной, валяется женщина, лицом вниз. Возраст не определить. Я вижу жуткие залысины на её голове.

Причиной женского облысения может стать химический ожог. Или соединения таллия. Или микроб токсоплазма, который водится в сыром мясе. Возможно, она была не слишком придирчива к закуске.

Перед глазами мельтешит хозяин бара, размахивающий накладными:

– Почему не весь заказ привезли?

– Вы за прошлый не рассчитались, – отвечаю я и замечаю красный бинт на его запястье. – Что с рукой?

– Так, – он по-детски кривит лицо, – порезался утром, а кровь не останавливается. Какая-то падла оставила стекло на лестничных перилах!

Я мысленно поздравляю его с возможным обретением вируса. Капли крови просачиваются через бинт и капают на асфальт. Хозяин бара вновь чертыхается и убегает. Слишком много крови перед моими глазами.

Согласно каббале, кровь есть носитель души, по-еврейски, нефеш. Гомер: «Из зияющей раны теснимый Дух излетел». Возможно, человек умирает вовсе не от потери крови, а от потери души.

Разгрузившись, мы едем дальше. Тридцать шесть точек. Сотни бидонов и коробок. И везде одни и те же опухшие лица.

Социологи утверждают, что в мире, поделенном корпорациями и кланами, основная причина массовых погромов, бунтов – не агрессия или жажда наживы, а желание поменять привычный уклад жизни. Желание запустить своеобразный генератор случайных чисел. Где вместо чисел – судьбы людей. «Чтобы невидящие видели, а видящие стали слепы», как молвил Христос.

Наверное, это движет мной, когда я, вернувшись с маршрута, взбираюсь на ящик в барак и патетически вопрошаю сидящих:

– Что же мы делаем?!

– Ждём бригадира, – удивлённый голос из угла.

– Ждём! Опять ждём! – кричу я, опрокидывая в себя остатки утренней водки. – Вы разве не заметили – мы постоянно чего-то ждём? Посмотрите на себя! Кто вы? Что вы? Где вы? Скот! Нет хуже – никто!

– И тут Остапа понесло...

– Господи, вы хоть раз думали о том, чтобы жить? Не существовать – жить! Как люди! Вас же тошнит от самих себя! Утро с похмела! Скотская работа! Вечера в блевоте!

– Заткнись! – ко мне подходит Вовчик. – Сиди тихо!

– Тихо сидеть! Так мы привыкли! Привыкли жрать похлёбку и не высовываться. Собаке – собачья жизнь, да? Вы пробовали бороться за счастье? Пробовали сорваться с цепи и вырваться из вшивой конуры?

– Последний раз говорю, – Вовчик разозлён, – завали ебало!

– Вы скот!

Первый удар сбрасывает меня с ящика. Второй разбивает гематому под правым глазом. Закрываю лицо руками и получаю тычки в живот. Бьют не сильно. Так, чтобы просто заткнулся.

– Мы же были детьми! Счастливыми, прекрасными! А теперь? К чему мы идём? Что оставим после себя?

– Вы что тут за блядство развели?! – голос бригадира.

– Истерика у человека! – удары прекращаются.

– Кто?

– Достоевский!

– Встань! – бригадир подходит ко мне. Я поднимаюсь. – Что произошло?

– Разве мы рождены для этого? – я обвожу помещение взглядом. – Для вечного рабства?

– Опять ты за своё, Достоевский, – бригадир расплывается в улыбке. – Ты рождён для другого. Не буду задерживать! Ты уволен!

## II

Почти у каждого маньяка, злодея, детоубийцы была своя семья. Родители, родственники, близкие. Они приходили к ним на ужин, здоровались, лобзались и резали праздничный пирог. Точно так же, как резали своих жертв. Пили вино из высоких бокалов, обнажая в улыбке зубы. Точно так же, как пили кровь убиенных.

Я думаю об этом, когда иду на встречу со своими близкими. Тщательно готовлюсь, словно актриса перед съёмками: замазываю лицо тональным кремом, пудрюсь, чтобы скрыть синяки и ссадины. Выходит не очень, но это лучше, чем ничего. Ощущение такое, будто гримируешь самого себя перед тем, как улечься в открытый гроб. Нужно выглядеть соответствующе – ведь в загробный мир тебя проводят только близкие.

У моего деда сегодня день рождения. Пожалуй, он не хотел бы знать, какой по счёту. Важно другое – вся семья будет в сборе. В том числе и я, золотой гвоздь программы.

Перед дверью квартиры чувствую, как весь исхожу испариной. Пот течёт по пудре и тональному крему.

– Господи, сынок, что у тебя с лицом? – это мама.

– Матерь Божья, Данечка, ты что? – бабушка.

– М-да, – дед.

– Ты где шляешься? – отец.

Мне не хочется лгать, чтобы оправдать себя. Я просто молчу. Молчание помогает избавиться от оправданий. Я всё равно не буду для них другим. Они сами слепили мой образ, выносили в своём животе вечной заботы и опекунов, выкормили через плевру расспросов и претензий. Вот он я, плод ваших бессонных ночей и попечительств, вот он я, дитё женского воспитания, – с разбитым лицом, мучающийся каждодневным похмельем, одинокий и ищущий путь забыться от всего этого кошмара.

Мы за праздничным столом, заставленным пиалами с маринованными грибочками и солёными огурчиками, блюдами с мясной и сырной нарезкой, бездонными чашами с оливье и салатом по-гречески, тарелками с рыбой в кляре и фаршированными свиной баклажанами. Посередине стола – жареный с яблоками гусь, возвышающийся над нежным картофельным пюре.

Первый тост. За именинника. Сейчас дед выпьет рюмку. Бабушка скажет ему, не пей больше, Пётр, у тебя диабет. Дед и сам это знает, но бравирует, опрокидывая в себя рюмку водки. Завтра его сахар подскочит. Для него это будет звучать как приговор.

Не в состоянии пить, не в состоянии трахаться, не в состоянии спать – старость. Её невозможно победить или приручить. Но эти люди, мои бабушка и дедушка, они из другого поколения – поколения сильных людей, проживших настоящую жизнь. В чём же их жизнь теперь? Говорят, что в детях.

Мой отец ненавидит своего отца. Я презираю своего отца. Преемственность поколений.

За праздничным столом кислые лица. Даже квашеная капуста на моей тарелке выглядит свежее. Только мать пытается шутить. Одни и те же беседы. Одни и те же фразы. Всё расписано на часы вперёд.

Сейчас будет тост за детей. За меня. Начнут спрашивать и корить, умолять и угрожать. Я привык к этим вопросам, как к магнитофонной записи.

– Где ты работаешь?

– Всё там же, грузчиком.

– Для чего же ты пять лет на филолога учился?

– бабушка.

– Даниил, как же так? – дед.

– Ладно, ладно, он уже взрослый парень, пусть сам решает, – это мама. И добавляет со слезами на глазах. – Сынок, неужели тебе это нравится?

Мы привыкли измерять успех работой. Статусом. Первый вопрос при знакомстве: где ты работаешь. Не важно, есть ли у вас склонность к садизму или педофилии. Главное, вы выросли до топ-менеджера.

Близкие вновь скажут мне, что нужна стабильная, престижная работа. Обязательно по профессии, полученной в университете.

– Мне не нравится такая работа! – в сотый раз повторяю я.

– А ты думаешь, мне моя нравится? – вопит отец. – Тебя, дармоеда, кормить?

В современном мире люди, довольные своей работой, встречаются ещё реже, чем уссурийские тигры. Все мои друзья так и остались детьми. Они по-прежнему живут родительскими установками. И по-прежнему пытаются доказать всем, что это не так.

– Тебе же семью кормить, Данюша, – бабушка.

– Я не хочу семью.

Я вечный ребёнок с перинатальной травмой.

– Как же так, Даниил? У тебя и девушки нет? – дед.

Что мне ответить? Что я по пять раз на день дрожу на самую извращённую порнуху? Что я трахаюсь со шлюхами в туалетах дешёвых забегаловок? Что я презираю и боюсь женщин?

Сейчас, за праздничным столом, во мне нет ничего кроме раздражения. Я люблю их, но это лишь догмы моего воспитания. Так надо – любить их. Проблема в том, что моя любовь основана на обязательствах. Однажды, дай Бог, я смогу полюбить их сердцем.

Когда я ухожу со дня рождения, они плачут. Все, кроме отца. Мама провожает меня до лифта, просит навестить её и суёт мне в руку денег.

Я помню себя маленьким. Помню, как приносил из школы дневник с отличными оценками. Помню, как с упоением рассказывал о том, как забил решающий гол в футбольном матче. Помню безудержную радость в глазах мамы и папы.

Когда я стал разочарованием для своих родителей?

Иногда я думаю: лучше бы они разлюбили меня. Тогда бы они не переживали, не сидели, не рыдали. Но они всегда будут любить меня. Каждый своей любовью. Для них я всё тот же – подающий надежды ребёнок. Я не смог стать взрослым ни для них, ни для себя.

Я сам – это маленький Данечка. Данечке нельзя бегать, играть с детьми, есть мороженое и дурачиться. Данечка должен быть серьёзным ребёнком, читать умные книжки и изыскается будто учёный. Питание по расписанию. Молоко с мёдом на ночь. Общение только с правильными детьми. И вечные стоны о том, как дерьмовая жизнь.

Отец мог стать для меня образцом; отец должен служить подобием Бога. Мой отец мог высказаться или принять решение только когда был пьян.

Кем мог быть для меня отец, разгуливающий по квартире в семейках, с отвисшим брюхом и перегаром? Кем мог быть для меня такой Бог, который не мог поговорить со мной, не повышая голоса, который ненавидел меня за свои же промахи и оплошности, который видел во мне кого угодно, но не сына?

Всю свою апатию и отчуждённость я придаю на алтарь поклонения своему Богу. Впрочем, ему, наверное, и так уже тошно от моих малодушных оправданий.

### III

Я вновь встречаюсь с националистами. Нас четверо. Покупаю для всех бутылку водки. Мы пьём из горла, по кругу. Каждый из нас одет в чёрное. С головы до пят. В тон этой тёмной ночи. За плечами спортивные сумки, в которых спрятаны маски, баллончики с краской, бутылки с зажигательной смесью, кастеты и биты. «Джентльменский набор», как мы его называем. Главный восседает за рулём чёрной машины.

Мы высаживаемся на рынке. Он безлюден: только длинные ряды металлических прилавков. Впрочем, мы знаем, что где-то ошивается охранник. Надеваем маски и устремляемся к закрытому ларьку с вывеской «Ливанская шаурма». Удары бит и камней сминают тонкий металл. Злой выводит синей краской на искорёженном ларьке «Смерть хачам!». Когда он дорисовывает восклицательный знак, появляются два полупьяных кавказца. Они замечают нас, видно, как в их глазах сначала пробивается ясность, а затем страх. Кавказцы пятятся назад.

Бетон, главный в нашем квартете, устремляется к ним с битой в руках. Когда кавказцы разворачиваются, чтобы бежать, могучий удар сбивает с ног одного из них. Второй бросается в бегство. Двое наших устремляются за ним. Мы с Бетоном валим первого на землю и избиваем его битами и ногами, упакованными в тяжёлые армейские ботинки. Во мне нет ничего кроме животной ярости. Она наполняет меня до краёв. И на миг я чувствую, что окружающий мир становится упорядоченным и наполненным. Это чувство полностью захватывает меня, наполняя внутреннюю пустоту. Я с остервенением бью кавказца битой. Где-то вдалеке раздаётся женский вскрик.

Кровавая пелена, застилающая глаза, сходит. Я вижу перед собой стонущего человека. Человека.

Возвращаются двое наших. На бите Злого – кровь. Мы прыгаем в машину и мчимся дальше. В другой район.

Магазин бытовой техники. Если верить Бетону, он «принадлежит хачикам». Мы верим, потому что нам надо верить. Здесь важно убедиться в отсутствии камер наблюдения. Бетон уверил нас, что утром провёл разведку. Мы выпрыгиваем из машины и разбиваем витрину битой. Истошным визгом заходится сигнализация. У нас есть две минуты до прибытия охранной службы. В разбитую витрину мы кидаем несколько бутылок с зажигательной смесью и прыгаем в машину. В зеркало заднего вида я вижу, как магазин охватывает пламя, похожее на беснующегося гигантского осьминога.

Бетон хохочет, будто умалишенный. Кревед распечатывает пакет с портвейном. Так мы празднуем нашу победу. И так я заглушаю совесть и страх.

Наша программа выполнена. Пора возвращаться. Бетон тормозит так резко, что портвейн выливается на чёрный свитер Злого.

– Блядь! – матерится он.

– У меня идея! – скалится Бетон.

Выйдя из машины, я понимаю – мы попали на автобусную остановку. Бетон ссыт на скамейку. Кревед допивает портвейн. Из-за поворота выплывает автобус, похожий на огромного жёлтого слизняка. Я вижу худое, вытянутое лицо водителя. Он кивает нам и открывает двери.

В автобусе человек восемь. Бетон хищно озирается по сторонам. Его безумный взгляд останавливается на семье кавказцев, разместившихся на заднем сиденье: худощавый отец семейства с горбатым носом, толстая, с усиками над верхней губой мамаша и маленькая, кучерявая дочка в розовой юбочке.

В развалку Бетон подходит к ним и тихо шипит:

– Вы кто такие?

– Простите? – не понимает отец.

– Вы что, суки черномазые, русского не понимаете!? – взрывается Бетон и бьёт его по лицу.

– Вы что делаете!? – вскакивает мать.

– Сиди, – Злой бьёт её концом биты в живот. – Понаехали чурки, а русского не выучили!

– Мамочка! Мамочка! – бросается к матери девочка в розовой юбке.

– Ты чего?! – я одёргиваю Бетона за плечо.

– Всё нормально! – Бетон улыбается мне и говорит кавказской семье. – Отвечайте!

– Хорошо, хорошо, пожалуйста, – стонет отец семейства, зажимая нос.

– Оплачивайте проезд!

Нас окликает вышедший из кабины водитель. Когда он видит нас, с битами в руках, с перекошенными яростью лицами, его кожа белеет. Кажется, за её прозрачностью можно разглядеть все вены и артерии.

Кревед подбегает к нему и валит на пол привычным ударом биты. Некоторые пассажиры вскакивают с мест, другие в страхе вжимаются в сиденья.

– Сидеть, суки! – орёт Бетон. Я вижу в его руках пистолет.

– Откуда это?! – бледнея, говорю я.

Бетон не удостоивает меня ответом. Вместо этого он вновь обращается к кавказцам:

– Откуда вы? Армяне, грузины, таджики?

– С Азербайджана, – заливаясь кровью, мямлит отец.

– Так это вы нашим детям героин гоните?

– Какой героин?! Боже мой! Я на рынке овощами торгую... ради Бога, пощадите, – кажется, что кавказец растекается по своему сиденью.

– Барыга! А эта тварь, значит, с тобой торгует, – Бетон наотмашь бьёт мать семейства по лицу. Я вижу, как её тело сотрясается в судорогах. Маленькая девочка обнимает её за пухлые колени.

– Я швея... просто швея... – мне кажется, мать захлебнётся собственными слезами и соплями.

– А эта шалава наркоту носит, да? – Бетон тыкает дулом пистолета на маленькую девочку.

Кто я в этом потоке несущихся в бездну людей? Хватаю Бетона за руку:

– Не надо! – ору я ему.

Ад внутри нас, писал Довлатов. Я подписываюсь под этими словами.

– Снимай, Грех! – Злой впикивает мне в руки видеокамеру.

Бетон беспорядочно бьёт отца и мать кавказского семейства ботинками. Девочка рыдает, заходясь в истерике. Я слышу, как за моей спиной пассажиры автобуса рыдают вместе с ней.

– Сидеть, суки, сидеть! – орёт Кревед.

– Что вы делаете!? – причитает азербайджанская мать. – Что мы вам сделали!?

– Молчать, сука, молчать!

– Папа, папа! – кричит девочка.

Бетон и Злой стаскивают её на пол автобуса.

– Это же у вас, на Кавказе, женщина выходит замуж за того, на кого укажут родители? – смеётся Бетон.

Он рвёт розовую юбку девочки. Злой зажимает ей рот. По его грубым рукам текут её слёзы. В объективе камеры полные ужаса глаза девочки.

Отец семейства вскакивает с истошным криком. Так кричат, когда наступает агония. Бетон нажимает на спусковой крючок. Пуля пробивает колено азербайджанца. Он падает на пол. Злой отпускает девочку и за шиворот оттаскивает его. Бросает на ступеньки дверей и добивает битой. Слышатся крики Креведа:

– Сядь на место, сука.

Я, задыхаясь, ору:

– Не трогай её!

– Зассал, Грех?

Дуло окрашивается в красный. Змей в Эдеме. В автобусе наступает абсолютная тишина. Слышатся только тихие всхлипы девочки, просачивающиеся сквозь руки Злого.

Мы вновь в машине. По-прежнему держу в руках камеру, не в силах оторвать её от лица. Она моя единственная защита. Сквозь её объектив я могу воспринимать этот мир, себя, пусть слегка, но всё же видоизмененным.

– Что с ментами? – спрашивает Кревед, раскуривая косяк.

– А что с ментами?

– Будут же искать!

– Пусть ищут, – Бетон ухмыляется, – не в первый раз...

Я должен был спасти девочку, но даже не попытался. Вот оно моё непротивление злу насилем. Толстой мог бы гордиться мной. Так просто воплощать его принцип в жизнь, когда трясёшься за собственную шкуру.

Вижу мир сквозь крупные капли росы. Они соединяются в крохотные ручьи и медленно ползут вниз.

## Глава пятая

### I

Прохладный, свежий ветер обдувает моё лицо. Передо мною раскинулся дивный пейзаж. Посреди горных хребтов затаилась долина, симметрично разделённая надвое кристально-голубой речкой, похожей на гигантскую артерию Бога. Стройные хребты вырисовываются на фоне прозрачного неба снежными нимбами. Солнце зависло посреди двух сияющих вершин, и его лучи расходятся по небу золотыми стрелами. И в горных хребтах, и в надраенном до блеска солнце, и особенно в прозрачном небе царит умиротворяющая гармония, возносящая меня на вершину мира.

Я поднимаюсь всё выше, приклеившись взглядом к этому прекрасному небу. И в тот момент, когда я почти достигаю его, оно с треском рвётся, будто старая, изношенная ткань. Я падаю на землю, а надо мной нависает кровоточащее дуло пистолета. Кровь заливает всё вокруг. Треск нарастает. Я захожусь в крике и проваливаюсь в бездну...

Меня будит звонок мобильного телефона. Как и многие, я страдаю фобией: остаться вне зоны доступа. Ученые утверждают, что пользование мобильным телефоном вызывает лейкемию, катаракту, опухоль мозга, сердечно-сосудистые заболевания и даже повреждение ДНК. Страшные вещи, но остаться вне зоны доступа ещё страшнее.

Мобильный телефон – Библия современного человека. Здесь есть всё. Как заработать миллион. Как сделать минет. Как молиться. Как мастурбировать зубной щёткой. Разве это не стоит опухоли мозга?

Сбрасываю звонок. Перед глазами прозрачное небо, разрываемое дулом пистолета. Я шарю по полу, чтобы найти выпивку. Отыскиваю остатки коньяка и опрокидываю их в себя.

Небо. Пистолет. И маленькая азербайджанская девочка. Неужели всё это со мной?

Я проснулся в ванной, в воде, усеянной окурками и пробками от бутылок. Банально, но мне казалось, что я смогу отмыться. Моя кожа стёрта в кровь пемзой. Жаль, нельзя очистить мозг. Есть такой род медитации – физическая уборка дома, когда ты выбрасываешь из головы, как из собственного жилища, всё не нужное: старый хлам, бесполезные вещи, мусор. То же самое и с мыслями, но с ними куда сложнее. Весь ужас в том, что я совершаю страшные вещи, не удосужившись родиться злодеем.

Как никогда в жизни я жалею о том, что остался без работы. Сейчас нужны любые наполнители, любые отвлекающие факторы – лишь бы не эта девочка перед глазами. Я глушу её образ алкоголем и телевизором. Переключаюсь между протестантским каналом и порнографией.

Бог любит всех нас.

Люби меня! Люби как грязную, похотливую шлюху!

И я до сих пор вижу страх в глазах девочки.

Бог твой лучший Друг, твой лучший бизнес-партнёр.

Трахай меня жёстче, Рокко, жёстче!

И я до сих пор чувствую дрожь тела маленькой девочки.

Скажите, Иисус, дай мне то, что я хочу, и вы увидите подлинное чудо.

Соси его, сучка, соси!

Где бы взять пульт, чтобы переключать каналы в своей голове? Мэрилин Мэнсон поставил: «Бог в телевизоре». Как вытащить его оттуда?

Учёные утверждают, что телевизор – раковая опухоль современного общества. Посмотрите на ваших детей, говорят они, это разжиревшие зомби с проблемным метаболизмом, гор-



мональными нарушениями, близорукостью, аутизмом, диабетом и слабоумием. На моей стене висит вырезка из газеты, где учёные винят во всём телевизор и ссылаются на факты.

Ожирение. Уставившись в ящик, дети не гуляют, не играют, а валяются на диване и механически жрут. Не дремлют и сердечно-сосудистые заболевания, портится зрение.

Утрачивается способность человека концентрироваться на «нетелевизионных предметах»: рассеянное внимание, проблемы с памятью и скоростью реакций повышают риск развития болезни Альцгеймера, старческого слабоумия.

Телевизор «подавляет» производство мелатонина, ключевого гормона и мощного антиоксиданта, который играет важные роли в иммунной системе, цикле «сон-бодрствование» и половом созревании, которое начинается раньше, чем нужно.

В ДНК начинаются мутации, способные вызвать рак.

Мы похожи на мух, попавших в паучьи сети. Даже термин придумали – «хроническая усталость».

Но я готов получить все «телевизионные болезни» в обмен на выход из автобуса.

## II

Эта работа подвернулась как нельзя кстати. В принципе, я бы согласился на любое предложение, лишь бы не сходить с ума дома, в одиночестве.

Моя работа – папарацци для бедных. Я фотографирую из самых необычных мест и положений. Главное – добиться эффекта неожиданности. Лучшие фото всегда получаются тогда, когда объект не знает о том, что его фотографируют. После того, как ты откинул два десятка неудачных снимков, можешь подходить к своим будущим клиентам с предложением моментальной распечатки фотографии. Так же мы предлагаем постановочное фото для детей в оригинальных костюмах.

Когда маме жирного и наглого паренька, едва влезшего в костюм Человека-паука, в десятый раз не нравится, как смотрится композиция, меня окликают.

– Даня, привет! – передо мной медсестра «скорой помощи».

– Привет! – кажется, её зовут Нина.

– Узнал?

– Как можно не узнать джинна? – улыбаюсь я.

– Вы фотографируете моего ребёнка или нет? – орёт мне мамаша жирного паренька.

– Пусть ваш сын залезет вон на то дерево.

– Как настоящий Человек-паук! – Вопит малец.

Говорят, все дети прекрасны. Я не верю этому. В моей жизни было слишком много детей, послужными списками грехов которых мог бы гордиться сам Сатана.

– Дай мне пять минут, – прошу я Нину в надежде, что она уйдёт.

Когда я заканчиваю с Человеком-пауком, Нина ждёт меня.

– Приходи в гости, – говорит она.

– В смысле?

– Просто приходи, – она смотрит мне в глаза, как бездомная собака. Мне её жалко. Жалость – мерзкое чувство. – Напиши мне телефон. Я позвоню.

Отказать ей всё равно, что отказать бездомному, скулящему щенку в кусочке хлеба. Я диктую ей свой телефон. Мне хочется соврать в паре цифр, но я знаю, она сразу же перезвонит. Так она и поступает.

– Простите, а вы давно фотографируете? – говорит мамаша Человека-паука. Некоторые люди похожи на сифилис – от них не избавиться.

– Шесть лет, – вру я.

– Да? – она удивляется.

– Вы не верите в мои таланты? – я демонстративно поднимаю бровь.

– Дело в том, что нам нужен фотограф, – по лбу мамыши, прямо посередине, ползёт гигантская капля пота. Медленно и верно она приближается к переносице.

– На постоянную работу? – уточняю я.

– Нет, что-то вроде периодической подработки. У нас приватные вечеринки, – она смотрит мне в глаза. Капля пота разбивается о её переносицу.

На миг я представляю, как она участвует в оргии в каком-нибудь закрытом клубе. Сейчас это модно. Невольно оцениваю её огромную грудь. Наверняка, у неё огромные соски и просвечивающиеся вены.

– Так что? – она выводит меня из ступора.

Я диктую телефон и провожаю её взглядом, протирая объектив от невидимых капель крови.

### III

Сто тысяч раз я повторял себе: пора остановиться, Даниил, ты зашёл слишком далеко. И каждый раз я находил оправдания. Мне всегда казалось, что я не переступил той грани, за которой кончается человечность.

Сейчас я пытаюсь в очередной раз убедиться в этом. В моих руках бутылка коньяка и пакет с лимонами. Я нажимаю на кнопку дверного звонка.

На пороге эффектная блондинка. На ней вновь золотистое платье. Её красоту несколько портит фурункул на правой щеке. Она приглашает меня войти.

Я прохожу в просторную комнату, застланную коврами. Они везде: на полу, на стенах и даже на мебели. Ковры делают мои шаги неслышными, словно у призрака.

Блондинка улыбается и молчит. Меня передёргивает, будто затвор. Передо мной оживший кошмар из того самого парка, где я должен был пройти посвящение. Чувствую, как сводит яйца.

– Присядь, – говорит она.

– Выпьешь?

Я наливаю коньяк. Она режет лимон.

– Чёрт! – отдёргивает палец. – Порезалась!

Я вижу, как кровь капает на нож, а потом на лимон.

– Смой её, – прошу я.

– Смысл?

Мы выпиваем коньяк. Она закусывает лимоном.

– И? – наконец, произносит она.

Я вспоминаю, как в парке занёс над ней ампулу. Такие разговоры сложно начать. Это как ступить на узкую доску, связывающую крыши двух небоскрёбов, а внизу гигантская, зияющая пропасть, от которой кружится голова. Я пытаюсь выжать из себя слова:

– В общем, вот так.

– Как так? – кровь по-прежнему украшает лимон.

– Где здесь туалет?

– По коридору направо.

Я захожу в туалет. Меня рвёт. Нет сил, чтобы наклониться к унитазу, поэтому я блюю прямо в раковину.

Чищу зубы пальцем, вымазав его в пасте, чтобы перебить мерзкий запах. В зеркале я вижу своё испуганное, посеревшее лицо и огромные капли пота на лбу. Глаза лихорадочно блестят, выдавая меня больше, чем что-либо.

– Вырвало?

– Да, – мне не хочется врать.

– Ты не переносишь кровь, так?

Она видит меня насквозь. Я это чувствую. Будто меня просвечивают сотни рентгенов, стимулируя раковые клетки. Сейчас я и сам в клетке. Она ловец. Я пойманный зверь.

– И что ты думаешь? – она улыбается.

– В смысле?

– В прямом. Что думаешь прямо сейчас, когда ты один на один с тем, кто может тебя с лёгкостью выдать?

– Прямо с лёгкостью?

– Почему бы и нет?

Она подходит ко мне вплотную. Её палец по-прежнему кровоточит. Усаживается мне на колени, задирает юбку. Вижу её гладко выбритый лобок с голубоватой татуировкой. Она

облизывает моё ухо. Переходит на шею и расстёгивает мне ворот рубашки. Это было бы весьма приятно, если бы не её кровь. Когда она нашаривает мой член сквозь ткань джинсов, я отталкиваю её. Она падает на пол, задевая бокал с коньяком. Коньяк выливается на ковёр.

Блондинка смеётся. Меня колотит. Она поднимается, одёргивает юбку и наполняет поднятый бокал.

– Не вижу смысла скрывать, – говорит она.

– Я вижу.

– Я понял это ещё тогда, на первой встрече, когда ты вышел на сцену. Ты не наш!

– Разве?

– Конечно. Я была твоим посвящением?

Согласно киваю. Тогда, в парке, она должна была стать моей жертвой. Я занёс шприц с кровью, но не смог. Может быть, испугался. Или жалость взяла верх. Не знаю. Я предпочитаю называть мой мотив совестью. Я только сделал вид, будто уколол её. Михаил Петрович, скрытый за трансформаторной будкой, не заметил обмана. Жаль, что моя первая потенциальная жертва оказалась палачом.

Её зовут Юля. Она ходит вместе со мной в секту.

Теперь Юля всё знает. Не надо много ума, чтобы догадаться. Я не часть их. Во мне нет вируса, и я не способен разносить его. Она невольно поймала меня в ловушку. Тогда, в парке, я думал о воле Божьей. Что же, Бог как всегда распорядился по-своему.

– Неудивительно, что ты отказался переспать со мной, – говорит Юля.

– Может, ты просто не в моём вкусе?

Она фыркает:

– Ты не наш. Тогда для чего ты среди нас?

– Не знаю.

– Не знаешь? – она подливает мне коньяк. Капли крови с её пальца падают в мой бокал. – В такой ситуации надо знать. Что помешало тебе уколоть меня в парке?

Я думаю, ибо сам не знаю ответа на этот вопрос. Она ждёт. И я говорю:

– Наверное, боязнь переступить черту. Если бы я сделал это, то уже не смог бы повернуть назад.

– А теперь ты можешь, так?

– Не знаю.

– Слова «не знаю» худшие для настоящего мужчины, – цедит Юля.

– Если я был среди вас... – обрываю фразу.

– Был? Разве ты не есть среди нас? Или ты думаешь уйти так просто? – она смеётся. Её смех звучит по-старчески. – Просто выйти из игры?

– Я хочу назад.

– Нет уж, милый. Ты либо с нами, либо против нас.

Пауза. Слышно только, как Юля пьёт коньяк из бокала. Пьёт его вместе со своей кровью.

– Я думала так же, как и ты. Можно выйти. Можно сбежать. Но было слишком поздно. И потом я поняла – это не наказание. Это счастье, чистое, стопроцентное счастье, которое не дано испытать каждому человеку. Мы свободны, Даниил! Неужели ты не понимаешь?

– Свободны в чём? – кидаю окурочку в бокал с коньяком.

– В поступках. Мы вольны делать всё, что угодно. Нас не держит страх. Нам всё дозволено, потому что единственный сдерживающий фактор для человека – это страх расплаты. Но, поверь мне, Даниил, когда ты знаешь, что скоро умрёшь, знаешь от чего именно, то тебя ничего не держит. Да, первое время тяжело, невыносимо, но потом у тебя вырастают крылья. Это кровь божья.

– Или дьявольская.

– А где гарантия, что дьявол или тот, кто исполняет его обязанности, не есть сам Бог, а Бог не есть дьявол, а? Кто это тебе сказал? Если всё это Бог, и на всё воля Его, то как происходит то, что происходит?

– Это болезнь.

– Пусть это будет болезнью, но она помогла нам стать богами!

– Вы постоянно говорите о Боге, но разве Бог завещал вам право решать, кому и когда умереть? – говорю я.

Её глаза поводит поволокой. Она резко подаётся вперёд. На миг я отчётливо вижу перед собой злобную старуху.

– А кто дал Богу право обречать меня?

– Ты!

– Я? – она швыряет бокал на ковёр.

– Ты спросила меня, для чего я пришёл к вам, – мне становится легче, – я скажу. Я ждал того, что изменит мою жизнь, потому что напоминал себе пустую тыкву на Хэллоуин. В ней пылал огонь. Ад, действительно, был внутри меня. Я забивал голову пустяками, чем угодно, лишь бы не быть наедине со своей пустотой. И чем дальше я шёл, тем всё больше утопал в пороке. Развлечения становились опаснее, а пустота внутри ширилась. Тогда я попал к вам. На мгновение я ощутил себя действительно живым, но лишь на мгновение. Тыква перестала быть муляжом. Она стала гнить и заражать тех, кто рядом. Пора уничтожить её.

Я выдыхаю.

– Забавно, – Юля закуривает, – тыквы, пустоты. Какой-то маскарад. Только в этом маскараде нельзя снять маску. Она стала твоей кожей, Даниил.

– Так для чего вовлекать в маскарад тех, кто не хочет в нём участвовать?

Она молчит. Я вижу, как по её лбу ходят морщины. Она трёт фурункул на щеке и говорит после паузы:

– Не надо за всех. Речь идёт о тебе. Либо нанимаешься в актёры, и тебе за это платят, либо становишься участником массовки.

Я встаю с кресла и забираю недопитую бутылку коньяка. Ещё раз захожу в туалет, чтобы вывернуть себя наизнанку. Мне хочется верить, что очищение желудка приведёт к очищению разума.

Когда я выхожу за двери, Юля говорит мне вслед:

– Я всего лишь жертва, Даниил.

– Мы все жертвы, – я закрываю дверь.

## Глава шестая

### I

Мы приветствуем друг друга нацистским жестом, вытягивая руку перед собой. Некоторые при встрече бьют себя кулаком по сердцу. Это не по уставу, но сложно отказать себе в лёгком позерстве.

На сцене наш лидер. Его фамилия Яблоков. Так он себя нарёк. Мало кто знает, что в его свидетельстве рождения значится Александр Исаевич Табакман.

Его речи пространны и эмоциональны, а потому так эффективны. Он разглагольствует о русской идее, гражданской позиции, любви к Родине.

У него шуплая фигура и дефект левой ноги. Впрочем, на сцене это не так заметно. Там он кажется могучим исполином, возвышающимся над толпой карликов, вещая им свои сокрушающие манифесты. Он говорит гулким, уверенным голосом, который хорошо слышен во всех уголках зала. Периодические он внезапно замирает в патетической позе и кидает отрывистые, резкие фразы. Понять его несложно. Он говорит о безработице, голоде, перспективах. Почти каждую мысль он заканчивает словами: «Так не должно быть! Мы изменим это!». В такие моменты толпа в зале взрывается аплодисментами. Как только она успокаивается, Яблоков один за другим, будто пули, пускает обещания.

Я стою в толпе, рассматривая людей. Они величают себя истинными патриотами, пришедшими освободить свой народ от вечного рабства. Стараясь изо всех сил выглядеть взрослыми, они совсем забыли о том, что детство по-прежнему сидит в их сердцах и разуме. Это жуткая смесь из ребяческих иллюзий и взрослых пороков.

Общество попыталось предложить им идеологию служению успеху. Родители завещали им учиться, строить семью и находить перспективную работу. Но они задали вопрос: «Что дальше?». Они отвергли прежние ценности, но так и не нашли новых. Их мысли и желания диктует вождь. В одних кипит обида на жизнь. В других клокочет и просится наружу юношеская агрессия. Третьи просто бесятся с жиру, ища новых развлечений.

Их глаза абсолютно одинаковы. В них зиждется странная сентенция пустоты и близости великого свершения. Туманные, сонливые взгляды устремлены куда-то вдаль, где реет только им ведомый флаг победы.

Лидер кидает им свои громогласные обещания, и над толпой всё явственнее вырисовывается купол рая, где каждый может удовлетворить собственные желания и обрести счастье.

– Мы могучей дланью сотрём с лица земли зарвавшихся раввинов! Пришло наше время! Пора, русские, восстать и заявить о себе! Заявить не словом, а делом! Пора отомстить за невинно пролитую кровь наших предков! Сколько замучили они в своём жутком тоталитарном строе? Сколько положили в извечном желании наживы? Они топчут нас своими копытами. Они убивают миллионы русских людей, а сами вечно причитают о Холокосте. Но мы пришли! И мы непобедимы!

Толпа победоносно ревёт, взирая на Яблокова теми же пустыми глазами. Им не интересна политика. Им нужна новая религия, и они находят её здесь.

СМИ называют такие сборища проявлением фашизма. Расизм, фашизм, антисемитизм... какая разница? Уже тошнит от всех этих измов. Все хороши. Любое такое сборище – оптовая продажа низменных идей.

Всё давно проплачено. Если бы не было таких организаций, то не было бы и власти. Русским фашизмом выгодно прикрывать другие, куда более страшные вещи, происходящие

в государстве. Идеолог сионизма Теодор Герцль в своём дневнике писал, что антисемитизм выгоден, прежде всего, самим евреям.

Яблоков всё больше распаляется на сцене. Он декламирует:

– Есть русские герои! Подлинные герои, которые на обломках звезды Давида возведут могучие стены новой великой державы. Они здесь, среди нас!

Во всём виноваты жида. Весьма универсальная сентенция.

Странное дело, большинство людей, которым я должен сказать «спасибо», были евреями. Моя учительница литературы, привившая мне любовь к чтению. Первый работодатель, взявший меня стажёром на приличную зарплату. Врач, спасший меня от перитонита.

Плазменный экран сзади Яблокова вспыхивает, и на нём появляются кадры «славных деяний». Осквернение еврейских кладбищ. Избиение раввина. Ножевое ранение кавказца. И хит вечера – кадры из автобуса.

Видно, как дёргается камера. Руки оператора дрожали. В кадре трое здоровых молодчиков, они бьют кавказскую семью. Пауза. И плач маленькой азербайджанской девочки. Порванная розовая юбка. Полные боли глаза.

В таких организациях все должны быть повязаны кровью.

Экран гаснет. Яблоков поворачивается к толпе. Люди замерли. Наверное, сейчас они прозреют, вспыхнут праведным гневом и разнесут эту сцену, а Яблокова линчуют.

Раздаются неуверенные, тихие хлопки ладоней. И вдруг раздаются аплодисменты. Они ревут, восхищаясь увиденным зрелищем. Слышатся возгласы «ура» и «слава».

Яблоков говорит о великих русских героях, не называя имён. Для него они горстка безымянного дерьма.

Он вновь вынимает свой козырь – преступления евреев против русских. А вдруг бывает и наоборот? Главное – толпе нравится. Она на крючке.

Кому-то мало денег и власти. Кому-то скучно. Они кооперируются и устраивают вечеринку под видом политической акции. И всегда найдётся истинный псих, что положит жизни, свою и близких, за великую идею.

Вдруг неведомая сила тянет меня на сцену. Неожиданно я оказываюсь рядом с Яблоновым. Видно, как он растерян. Но только на миг. Почти сразу же он изрекает:

– Он хочет быть услышанным! У каждого здесь есть право голоса! Ибо мы равны!

Толпе бессмысленно противоречить – она просто растопчет. Никогда не говори адекватных вещей. Действуй по принципу «сам дурак». Доводи до точки кипения. Психология масс по Лебону.

Я начинаю:

– Братья! Мы творим правое дело. Боремся не только за идею, но и за обретение самих себя. В наш чёрный век войны случаются где-то далеко. Революции творятся на кухнях. У нас нет ничего, достойного истинных героев. Вместо оружия нам раздали наркотики и порно. Нас решили усыпить, но мы восстали из пепла. Пора взорвать мир новым крестовым походом.

Толпа осоловело взирает на меня, но я продолжаю:

– Мы сидим в конурах, которые не способны получить в своё пользование. Мы рабы чудовищной системы. Всю жизнь мы копим на место под солнцем. Но у нас нет места в системе, и система никогда нам его не даст. Нас предали. Обманули.

Выкинули вон из собственной страны. Разве не злит нас всё это?

Толпа оживает. Теперь я чувствую власть:

– Нам показывают на экранах жирных котов, усевшихся на нефтяные трубы и сосущих наши деньги. Но кто сказал, что этот мир принадлежит им? Кто выдал его в пользование? Спросили ли нас, согласны ли мы? Я говорю – нет! Мы боимся рожать, чтобы не принести своих детей в жертву этому прогнившему миру. Нам не дадут ни пяти минут в прямом эфире, ни нефтяной скважины, ни шанса выжить. И в нас зреет зависть, в нас зреет злость. Но главное

– в нас зреет твёрдая уверенность присвоить себе этот мир! Толпа ревёт «да». Я почти на вершине мира.

– Хотим ли мы вернуть свою страну? Своё право на жизнь? Самих себя?

Я замолкаю, чувствуя, как агрессия выходит из меня, словно бес. В душе воцаряется гармония. Старый принцип «Сбрось негатив на других» действует.

Яблоков продолжает говорить за меня. Меня уводят со сцены два крепких парня. У них равнодушные глаза дельцов, знающих, где получить прибыль.

После выступлений – фуршет. Много алкоголя и дешёвой закуски. После зрелищ толпа неизменно жаждет хлеба.

Когда я опрокидываю в себя водку, закусывая её бутербродом с ливерной колбасой, ко мне подходит сам Яблоков в окружении крепких парней.

– Угощаетесь? – говорит он, потирая свою козью бородку.

– Да, спасибо.

– Не желаете коньяку?

– Нет, спасибо.

– Зря, – он не выговаривает «р». – Хороший коньяк.

– Верю.

Опрокидываю в себя ещё одну стопку. На этот раз без закуски. Яблоков не уходит. Его присутствие рядом начинает нервировать меня.

– Что же вдохновило вас на столь пламенную речь? – вновь обращается он ко мне.

– Идея.

– Идеи должны служить людям. Жаль, что обычно происходит наоборот.

– Жаль, – не спору я.

– Хорошая речь, но хотелось бы обойтись без импровизаций. Вы меня понимаете?

– Прекрасно понимаю.

Он молчит некоторое время и продолжает:

– А звать вас?

– Даниил.

– Вы еврей? – Он морщится. Я отрицательно качаю головой. – Кажется, именно вы были участником акции в автобусе. Грехов, не так ли?

Яблоков смотрит на меня с лёгкой иронией. Я отворачиваюсь, чтобы скрыть нервное подёргивание лица. Потом отвечаю:

– Да.

– Хорошее дело. Хорошая речь. Из вас мог бы получиться герой.

– Герои быстро погибают.

– Это верно. Скажем по-другому, вы можете добиться успеха. Что скажете?

– Скажу, что выгода мне всегда интересна.

Яблоков утвердительно кивает и жмёт мне руку.

Кажется, он только что заключил контракт.



## II

Говорят, квартиры отражают сущность своих владельцев. Если верить этому, то Нина малоприятное существо. Углы её крошечной комнаты покрыты пятнами плесени, а из туалета смердит.

Когда она позвонила мне с повторным предложением зайти в гости, я хотел отказаться, но вспомнил, что рядом с ней я не думал о крови азербайджанской девочки.

На мне два презерватива. Другую бы это обидело. Нина же иступлённо скачет на мне, используя член, будто вибратор. Есть женщины, расценивающие секс как акт передачи себя кому-то. Я пью виски прямо из горла. Наличие хорошего виски в такой обстановке меня удивило.

Считается, что женщины чаще всего симулируют оргазм. Мужчины делают это не реже. Я издаю неправдоподобный стон и бегу в туалет, чтобы выкинуть чистый презерватив в унитаз.

Когда я возвращаюсь, Нина лежит на кровати, закутанная в простыню. Как и всем женщинам, после секса ей хочется слов.

– Что ты подумал, когда мы познакомились?

– Что ты джинн.

Она тербит край грязной простыни и вновь задаёт вопрос:

– Я похожа на блядь?

– На блядь? – виски делает меня ленивым к ответам. – Нет.

– А на дешёвую блядь?

– Разве есть разница?

– Конечно. Если ты дорогая блядь, то ты в почёте, если просто блядь, то всем всё равно, если дешёвая блядь, то ты презираема.

– Интересная теория.

– Это не теория.

Она берёт у меня бутылку виски и делает глоток. Протягивает мне:

– Допей.

– С удовольствием.

Я допиваю и чувствую себя пьяным.

– Есть ещё?

– Да.

Нина встаёт с постели и голая идёт на кухню. Я отмечаю чёрное пятно, размером с крупную сливу, чуть пониже её левой ягодицы. Во времена инквизиции такие считались верным признаком ведьмы. Нина возвращается с бутылкой виски.

– Почему ты пришёл?

– Ты пригласила.

– А ты всегда приходишь, когда тебя приглашают?

– Никогда.

– Я должна чувствовать себя польщённой?

– Твой выбор.

– Ты хороший, – говорит она.

– Чем же? – мне всё равно.

– Ты добрый. Хороших людей мало на свете, а добрых ещё меньше.

– Мне кажется, не бывает хороших или плохих. Всё зависит от обстоятельств. В различных ситуациях хороший может стать плохим. И наоборот.

Она подносит мне сигарету и огонь. Закуривает сама. Смачно затянувшись, она продолжает этот бессмысленный разговор:

– Каждая девушка хочет себе хорошего.

– Разве? Все девушки, которые попадались мне до этого, хотели себе богатого. Или хотя бы умного, – говорю я.

– Чепуха! – в её голосе слышится железная уверенность. – Не верь им! Это миф. Даже самая распущенная стерва хочет себе хорошего.

– Что-то в духе вечного мифа о принце на белом коне?

– Что-то вроде.

Чем больше я пью виски, тем больше погружаюсь в эту странную полемику. У Нины есть удивительная особенность – рядом с ней я не думаю о себе. Нет вообще никаких мыслей. Кажется, что все мои слова говорит кто-то другой.

– Хочешь мою историю?

– Да, – точно так же я мог бы сказать и «нет».

Она тушит сигарету в пластиковый стаканчик возле кровати и сразу же закуривает новую. Сизый дым облачком поднимается к облупленному потолку.

– Я жила с матерью-алкоголичкой. Каждое утро я видела её с разными мужиками. Довольно гнусными. В этой стране, если ты одна, то должна быть готова... с любым мужиком; главное – с мужиком. Я потеряла девственность в двенадцать. Меня изнасиловал отчим. С бородавкой на мошонке. Больше всего он любил, когда ему лизали эту бородавку. Мать знала о том, что он трахнул меня. Знала и ревновала, но он нашёл выход: стал трахать нас поочередно: день – меня, день – мать. Потом, видимо, решил экономить время и силы... мы стали трахаться втроём.

– И?

– Тебя это не пугает?

– Наверное, но не более чем остальное. И что с матерью?

– Мертва. Захлебнулась собственной блевотиной во сне.

– Сочувствую.

– Лучше поздравь.

Виски подходит к концу. Алкоголь делает меня разговорчивым.

– Ты сильная женщина, если пережила всё это, – я пытаюсь её поддержать.

– Сильная женщина в нашей стране звучит как приговор.

– Нужно сильное плечо, да?

– Сильное плечо и крепкий хер, – пошлит она и тихо добавляет. – Мне кажется, что ты тот самый.

– Как это?

– Ты мой принц.

– Думаю, жениться мне рановато, – я пытаюсь перевести всё в шутку.

– Упаси Бог, – Нина отмахивается. – Дело в другом. Ты можешь помочь мне. Ведь можешь?

– Да, – наобум говорю я и приканчиваю виски.

– Теперь ты не можешь отказаться. Ты согласился! – Мне остаётся только кивнуть. – В Африке шаманы вырезают у девочек клиторы, как только те достигают двенадцатилетия.

– Для чего?

– Чтобы девочки лишились дьявольской метки, которая полностью руководит женщиной, её греховной сущностью. Душа отвечает за наши помыслы и надежды, стремления и чувства. Она делает нас отличными от животных. Но, считается, душой наделены лишь мужчины. Женщиной же, всей ею, управляет клитор, который отвечает за её волю и разум, – поясняет Нина.

Я знал лишь, что у инков существовал храм, где поклонялись идолу в виде Дракона, пожирающего скорпиона. Как писал католический священник, Дракон символизировал жиз-

ненную силу Создателя, а жало скорпиона – женский клитор. Потому у инков практиковался обычай обрезать девочкам клитор. Видимо, в Африке подход ещё более радикален.

Интересно, откуда Нина знает так много про метафизику клитора?

– Выходит, женщина без клитора – свободная женщина? – говорю я.

– Да, – соглашается Нина, – она свободна от самой себя, от подчинения собственным страстям. После удаления клитора воля и разум женщины освобождаются.

– Причина страдания, если верить буддистам, в страстях, – размышляю я. – Стало быть, женщина без клитора избавляет себя от страданий, и, по сути, достигает подобия просветления.

– Ты вырежешь мне его? – в её собачьих глазах мольба.

Мой отец всегда говорит мне, что каждый поступок не может быть просто эпизодом; он неизбежно порождает следующий поступок. Звенья одной цепи, любит повторять он. Моя жизнь в последнее время – череда безумств. Возможно, это всего лишь совпадения, но разве их последовательность нельзя назвать судьбой? Рыцарский девиз гласит: «Делай, что должен, и будь, что будет!». Я иду от обратного. Жду, что будет, и только после этого делаю, что должен. Порой мне кажется, что должен я совсем другое.

– Я не медик. Мне будет сложно, – говорю я.

Это идиотская отговорка. Стоило бы сказать другое: «Я вижу тебя всего третий раз и не могу вырезать тебе клитор. В принципе, я вообще не могу вырезать клиторы». Но мои слова будто диктуются мне кем-то, и этот загадочный чревовещатель произносит:

– Но у меня есть идея.

### III

Инна приезжает через час. К этому времени я и Нина успеваем изрядно напиться. Происходящее начинает казаться мне очередной забавной игрой. Я чувствую подобие азарта. Инна, одетая в извечную красную юбку, с порога, не вынимая тонкой сигареты изо рта, заявляет:

– Вообще-то я не имела дела с женскими половыми органами. Только с мужскими.

– Уверен, ты справишься, – успокаиваю её я, вспоминая, как она орудовала скальпелем в морге.

На улице бушует настоящий ливень. Я думаю об Африке: шаманах и экваториальном климате. В руках Инны аккуратный чемоданчик. Она ставит его на стол и извлекает медицинские инструменты. От их вида я начинаю трезветь. Нина сидит на кушетке, голая и задумчивая.

– Нагрей воду! – говорит мне Инна.

– Для чего?

– Для операции нужна вода, – только сейчас до меня доходит, что должно произойти.

– Ты медик? – Нина обращается к Инне.

– Да.

– Я тоже, – видимо, они нашли друг друга.

Я иду на кухню, чтобы нагреть воды. Из подходящей посуды – эмалированная кастрюля. В ней плещется подобие супа. Я выливаю его в раковину и наполняю кастрюлю водой. Ставлю её на газ.

В комнате Инна осматривает промежность Нины. Она надела очки, в которых стала похожа на героиню дешёвого порнофильма. Нина спокойна. Даже счастлива. Кажется, что клитор будут вырезать кому-то другому.

Я приношу кастрюлю с горячей водой. В ней плавают остатки супа. Инна с сомнением осматривает воду, но ничего не говорит. В её руках скальпель, который она нагревает на спиртовке, принесённой с собой. Рядом лежат использованные шприцы.

– Обезболивающее, – поясняет Инна, видя мой испуганный взгляд.

– Дайте выпить, – доносится глухой голос Нины.

Я даю ей стакан водки с чаем. Она выпивает его залпом и тут же закуривает сигаретой. Старый школьный метод закуски.

Инна склоняется над Ниной и говорит мне:

– Дай ей что-нибудь в рот.

– Что? – я думаю о своём члене.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.